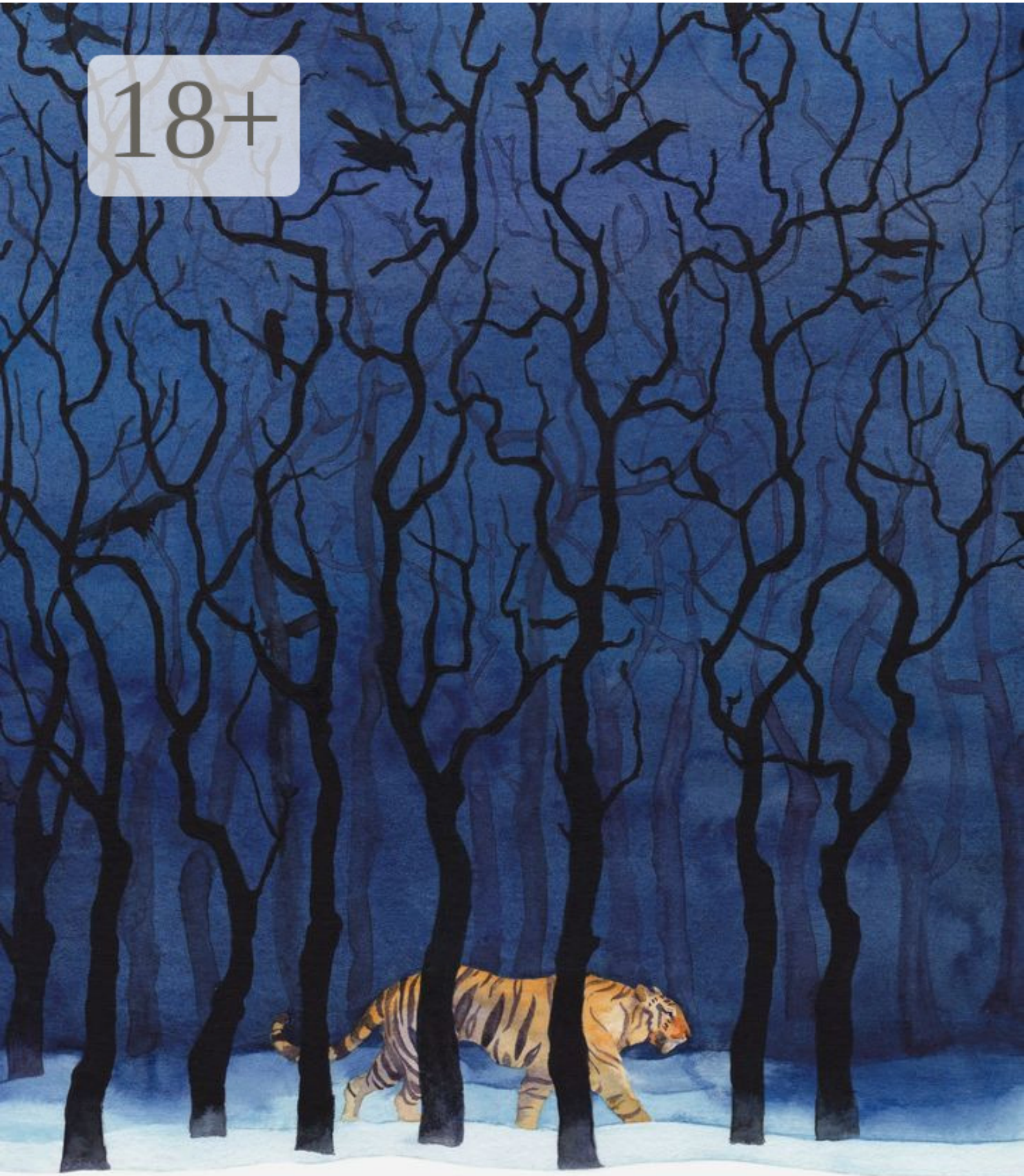

18+

Анна Акенар

ТАРФУ

Анна Акенар

Тарфу

«Издательские решения»

Акенар А.

Тарфу / А. Акенар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503999-6

Даша живёт на границе света и тени. Она «часовой», и её задача — помогать заблудившимся душам обрести покой. Отправляясь в глухое таёжное село, Даша не подозревает, что на сей раз сама станет добычей для древнего духа, готового на все, чтобы остаться среди живых.

ISBN 978-5-00-503999-6

© Акенар А.
© Издательские решения

Содержание

Тарфу	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Тарфу

Анна Акенар

София Мухачёва *Дизайнер обложки*

© Анна Акенар, 2019

© София Мухачёва, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-3999-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тарфу

– Слышь, мелкая...

Дашка вздрогнула. Горячий пепел посыпался между пальцами, обжигая нежную кожу. Перед ней стоял детина размером с хороший двухдверный холодильник, в дубленом тулупе, со съехавшей на бок шапочке, покрывающей бритую голову. Дашка сделала глубокий вдох. Прерванный ритуал всегда выходил боком. Кивнула незнакомцу, стараясь смотреть без вызова.

– Огоньку не найдется? – подмигнул двухдверный и достал из кармана помятую папиросу.

Дашка протянула ему зажигалку. Сейчас начнется.

– А чё это у тебя? Зачем сучч-ок жжёшь?

– Это типа сигарет, – прикинув, что рассказывать ему правду не стоит, она выбрала самое понятное объяснение. – Никотина нет, но типа вышел, подымил, – Дашка пожала плечами. – Привычка.

– Завязала, – понимающе закивал бугай, – понимаю.

Он протянул ей зажигалку. Но когда она потянулась чтобы взять, спрятал её в кулаке. – А чой-то у тебя на голове?

Дашка внимательно посмотрела на бугая. Он казался обычным парнем, который живёт по соседству, таких обычно зовёшь, когда нужно поднять на этаж новый диван, а вот в гости не пригласишь, потому что глаз у них острый, цепко подмечающий всё, что плохо лежит. Но таким доверяешь, думаешь – видно же, на что способен. Ближе не пушу, но так-то не опасен он, путь будет.

Дашка видела куда больше. Она видела, что вокруг лысой головы, едва прикрытой вязаной шапкой, вьётся серая дымка.

– Когда она умерла? – спросила Дашка отчётливо, так что слова получились отдельными, резкими, будто у диктора в телевизоре. Она уверенно забрала зажигалку и засунула её в карман.

Парень вздрогнул. Дашка почувствовала удовлетворение.

– Кто? – казалось, будто на него вылили ведро воды.

– Мама твоя, или... бабушка? – Дашка всмотрелась в тень за спиной бугая, и тут же отпрянула, охнув, прежде чем он успел ответить. Теней за плечами парня было несколько. Всю её уверенность как рукой сняло. Парень забрал с дюжину жизней, может, больше, души ведь не всегда оставались с убийцей.

– Ты чё, из этих, как их, экстрасенсов? – нахмурился парень.

– Типа того, – пожала плечами Дашка. Не сводя глаз с бугая, она бережно завернула палочку Пало Санто в мятую бумагу.

– И чё ты там про меня увидела? – с вызовом произнёс бугай.

– Мама у т-тебя умерла, ил-лии бб-бабушка, не пойму, н-но очень ты её любил, много она для тебя значила. – Со всем сочувствием, на которое была способна, произнесла Дашка.

– Матушка моя жива ещё пока, – проговорил бугай. – Херня это все. Ты мне вот лучше скажи, ведьма, что в будущем меня ждёт?

Дашка медленно открыла рюкзак. Свет в тамбуре мигал, но даже в темноте Дашка видела, как мечутся вокруг головы бугая тени, как они безмолвно кричат, надеясь, что их услышат.

– Тебя ждёт сюрприз, – проговорила она, пряча в рукаве изящные ножницы с тонкими длинными лезвиями.

– А хочешь, ведьма, я расскажу тебе, что тебя ждёт? – Он навис над Дашкой, упёрся ладонью в стену за её спиной, так близко, что теперь она могла чувствовать его запах: смесь табака, кислого с горечью, пота, мазута и мороза. – Тебя ждёт долгая, мучительная смерть

от рук того, кто больше и сильнее тебя, того, кто схватит тебя за твои эти патлы, – он усмехнулся, наслаждаясь моментом, – и протащит по снегу в то место, где всё только начнётся... Ты будешь кричать, плакать – вы все плачете, – умолять, может даже обоссешься, а потом... Хаха, потом ты потеряешь надежду и тогда...

Дашка чиркнула ножницами по воздуху рядом с тем местом, где у бугая должен был быть пупок. Мужчина вздрогнул, тряхнул головой и сделал шаг назад. Казалось, он сам не понимал, что происходит.

– Будьте осторожны, двери закрываются! – прошипели динамики.

– Я что-то... – Он глянул на Дашку, – Мы знакомы? – Сам покачал головой. – Чёт нехорошо.

Двери в тамбур захлопнулись. Парень стянул с себя шапку и со стоном привалился к стене.

– Качнуло, чуешь? Не пойму, поехали, или это крутит меня?

Дашка сделала шаг вперёд и быстро провела ножницами рядом с сердцем бугая.

– Эй, ты чо, мелкая? – вздрогнул бугай и тут же обвис, словно ниточки, за которые его держал невидимый кукловод, опали. – Не понял, – произнёс он совсем другим голосом.

Последняя нить из тех, что видела Дашка, обвивалась вокруг головы бугая. Она была плотной, похожей на пуповину.

– Вам нехорошо? – она шагнула ещё ближе.

Свет мигнул, звякнули ножницы и бугай со стоном опустился на корточки. Дашка отступила назад и стряхнула ножницы, как если бы это был ртутный градусник.

– Это я... Я не... как же? – проговорил он, будто каждое слово давалось ему с трудом, – Но я... я же не хотел...

– Не хотел, – согласилась Дашка.

– Я не мог, это же не я... Или я... За это же... меня посадят? Или... но я не хотел ведь... убивать... – он вопросительно посмотрел на девушку.

Дашка спрятала ножницы в рюкзак и присмотрелась к бугаю, который казался совсем не таким большим и близко не таким страшным. Духи убитых им женщин вились вокруг него и кричали, зная теперь, что будут услышаны. Бугай обхватил голову руками.

– Что же я наделал?

– Я не знаю, – пожала плечами Дашка.

– Я не мог, я не мог, я бы... Это не я, я так бы не стал, это как... вот этими вот руками... – бугай заплакал.

– На следующей станции обычно патруль дежурит, – проговорила она, стаскивая перчатки, – прямо на перроне. Обрадуешь их с утречка пораньше.

Дашка открыла дверь из тамбура и, не оборачиваясь, пошла по вагону, высматривая свободное место. Она искала место у окна, по ходу движения поезда, и чтобы рядом – хотя бы напротив, куда упирается взгляд, – не было никого. Но вагон был полон разномастной публики: рыбаки с торбами, студенты (эти выйдут не скоро, вон какие большие у них сумки, домой едут, к маменьке), рабочий люд с хмурыми серыми лицами.

Она прошла стайку студентов, над которыми в воздухе парили каракули, напоминавшие маленькие торнадо, нарисованные чёрной ручкой. За ними – полногрудого контролёра, который читал женский роман, и носил на голове серое вещество, похожее на кисель. Контролёр выглядел безобидным, и Дашка хотела было присесть к нему (не станет же он сидеть всю дорогу на месте), но тот поднял на неё глаза, и серое вещество на его голове выпустило в стороны желеобразные щупальца. Дашка вежливо кивнула и пошла дальше.

За контролёром сидели рыбаки, от которых на пол-вагона несло холодом и рыбой. Хотя ни с тем, ни с другим они сегодня столкнуться ещё не успели, вся их одежда, а может и кожа пропиталась этим запахом, который у Дашки вызывал стойкую ассоциацию с покрытой льдом

тушей кита, которую она видела когда-то в детстве. Она прошла насквозь пару вагонов, прежде чем смогла найти для себя подходящее место – полупустой вагон, напротив – спит, прислонившись к окну, маленькая чистенькая старушка в нарядном платочке.

Опустившись на деревянную скамейку, Дашка вытянула ноги и прикрыла глаза. Стук колёс складывался в слова, от которых Дашка привычно попыталась отмахнуться. Но мысли не слушались её, и как это обычно бывало, если она давала слабину, слова неслись, как гладкая поверхность пластинки под иглой, сами по себе, без контроля, по давно знакомому кругу.

– Те, кому надобно оно будет, помосчь твоя, сами тебя найдут, – раздался в голове голос бабушки.

Дашка вздохнула и зажмурилась, пытаясь сдержать поток воспоминаний.

– А как они узнают, что я... Ну это... Могу... Ну, видеть... – спросила маленькая девочка в Дашкиной голове.

Дашка тряхнула головой и отвернулась к окну.

– Так это ж кто помосчь ищет, ему и сам Боженька помогает. Он на тебя им и укажет, – проговорила бабушка.

Дашка усмехнулась. «Боженька»! Как давно она не слышала этого слова!

– А я как пойму, кому помочь? – продолжал между тем детский голосок.

– Так как же? Вот человек скажет «помоги», тогда и узнаешь.

Дашка покачала головой.

– Если б это было так просто, баб Зин, – она прикрыла глаза. – Если бы твой Боженька и правда хоть кому-то помогал.

За нитчатой изморозью, покрывшей окно, мелькали голые стволы деревьев. Поезд скользил меж заснеженных склонов, как огромный ледяной змей. Сверкающий снег слепил глаза, из-под Дашкиных ресниц то и дело появлялась крохотная серебристая слеза. Уже несколько часов они ехали сквозь дремучие деревни, а железная дорога всё не кончалась.

Дашка огляделась по сторонам, в который раз присматриваясь к пассажирам полупустого вагона. Ей хотелось поговорить с кем-нибудь. Не важно о чем, лишь бы услышать звук живого голоса. Но соседи ей попались тихие, ни один не встречался с ней взглядом. Разве что старушка, сидевшая через проход. Дашка уже собиралась заговорить с ней, когда поняла, что старая смотрит мимо неё – на свет восходящего солнца. Раздосадованная, девушка отвернулась к окну.

Из телеграммы было понятно не много. Дашка едва коснулась внутреннего кармана куртки и перед глазами встали заученные наизусть слова:

«СРОЧНО ВСКЛ ЯКОВ ЧЕРНОВ СОВСЕМ ПЛОХОЙ ТЧК НАЕЗДНИК – ЗВЕРЬ ВСКЛ ДЕРЕВНЯ АБО ТЧК ЧИХЕЗА АГЗУ ПРОВОДИТ ТЧК».

Если что и раздражало Дашку больше, чем поездки в таёжное захолустье, так это привычка начальства по-старинке слать задание телеграммой. Девушка прикрыла глаза. Если бы Геннадич, как все нормальные люди, звонил по мобильному, это послание звучало бы почти так же, разве что без знаков препинания.

На человеческий язык телеграмма переводилась просто: «Дело срочное. Опасный дух оседлал животное в деревне Або, встретит и поможет проводник Чихеза Агзу».

Фамилия Чернов в телеграммах присутствовала всегда – так Геннадич называл духов, имя же присваивалось в зависимости от сложности дела, в алфавитном порядке: А – простой случай, М – придётся повозиться, что касается Я... Дашка пробежалась языком по зубам. До буквы «Я» они не доходили ещё никогда.

Она заранее проверила место назначения по старым картам. Брошенная деревня, от села Занадворовка – чуть больше десяти километров, если по прямой. Ни одного населённого пункта на многие километры вокруг. Случись что – ночевать придётся в пустующей деревне. Палатка у неё была лучшая из тех, что можно достать, а таких альпинисты ночевали на вет-

ренных склонах Эльбруса. Но оставаться на ночь в брошенной деревне... И где искать проводника?

Дашка задумчиво постучала пяткой по полу, разглядывая блестящий нос ботинка. Старушка напротив встрепенулась и повела шеей, прислушиваясь. Она была похожа на большую всклокоченную птицу. Дашке показалось, старая видит сквозь белесую пелену, покрывающую глаза. Видит не явное, а скрытое. То, что Дашка так умело прятала ото всех. Они внимательно смотрели друг на друга – слепая старуха и мрачная девушка в мужской охотничьей куртке. Поезд качнулся, в вагоне зажглись лампы, и они въехали в тоннель. Старушка причмокнула сморщенными губами и высказалась на местном наречии. Дашка отвернулась. В темноте тоннеля она столкнулась со своим отражением: скуластое лицо подростка, торчащие в разные стороны дреды, глаза глядят зло, холодно.

Отражение Дашке не понравилось. Оно вновь напомнило о деле. О том, что поездка эта, несмотря на новенькие лыжи и объёмный, жизнерадостной окраски рюкзак, отнюдь не туристическая. Она перевела взгляд на огоньки, мелькавшие внутри тоннеля. Дашка не любила свою работу. Гордилась этим особым умением, силой, скрытой в её хрупком теле. Но дело, которое она выполняла, казалось ей лишённым смысла. Тоннель кончился, стон колёс сменился шумом ветра, в глаза ударило солнечным светом, отражённым от белоснежных склонов. Дашка вздрогнула и зажмурилась.

Когда это случилось в первый раз? Тогда, так же как сегодня, солнечные лучи отражались от свежего искрящегося снега. Дашка сидела на высоком сундуке, в котором бабушка хранила вещи из прошлой жизни, и болтала ногами. Ей было тепло и весело, вязаные носки немного кололись, но разноцветные искорки снега за окном обещали прекрасный день, полный приключений. В следующий момент она почувствовала, что в доме появился кто-то ещё. Замерла, огляделась. Лучи солнца запутались в русых волосах. Девочка прислушалась к тишине старого дома. Бабушка ушла расчищать снег лопатой, широкой как противень. Кошка выскользнула следом за ней. В печи гудел, разгораясь, уголь. Маленькая Дашка опустила взгляд на лоскутный половик – в доме кроме неё никого не было. И в то же время она знала, что кто-то вошёл. Отложив старинные открытки, с которыми играла, девочка опустила ноги на цветной половичок.

Дашка увидела его в кухне. Незнакомый дядька стоял в дверях и мял в руках шапку. Через дядьку было видно дверную ручку и огромный крючок, который бабушка замыкала на ночь.

Было ли ей страшно? Дашка открыла глаза. Тогда, девочкой, она боялась меньше, чем сейчас. Детские видения были необычными, но вполне вписывались в картину её представлений о мире: о сказках, призраках и жизни после смерти.

А вот бабушка тогда здорово перепугалась. Дашка усмехнулась, вспомнив лицо старушки – седые брови, взлетевшие вверх, растерянный, совсем детский взгляд. Бабушка откинула в сторону синий бархат, покрывавший сундук, и подняла крышку. Из сундука потянуло запахами нафталина и старой бумаги. Она достала вышитую салфетку, в которую были бережно завернуты фотографии – старые, подпорченные, с неровными истрепанными краями. Фотокарточек было три – на них уместились все главы бабушкиной жизни. С одной из них на Дашку смотрело лицо того самого незнакомца, нерешительно топтавшегося в дверях.

– Вернулся-таки, – прошептала бабушка и перекрестилась.

Дашка вдоволь пресытилась своим талантом ещё в детстве. К тому моменту, когда её разыскал Смотритель, она готова была избавиться от своего дара любой ценой. Смотритель оказался учителем физики. Плотный уютный человек в застиранной рубашке, лысый, с добрыми, как у собаки глазами. Геннадич. Он совмещал свою деятельность в провинциальной школе с вербовкой таких «одарённых», как она.

– Каждый должен делать то, для чего рождён, – это была его любимая присказка. – Ты рождена на границе, ей и принадлежишь. Ты – Часовой, тебе не дано убежать от своих видений. От судьбы не убегают.

Что она почувствовала в тот момент? Страх? Отчаяние? Злость? Тогда она ответила грубо, резче, чем следовало. Но что она на самом деле чувствовала? Дашка сжалась, пытаясь схватить это чувство, распознать, разобрать на составляющие...

Каждый раз, отправляя потерянный дух в мир теней, Дашка жалела, что может так мало. Далеко не сразу Геннадич признался – из одаренного Часового иногда «вырастает» Портной. Тот, кто способен менять судьбы, соединять людей, потерявших друг друга, излечивать душевные раны, кровоточащие годами. Тот, кто возвращает человеку способность любить, вселяет веру в чудеса. Лишь однажды она осмелилась спросить – что же ей нужно сделать, чтобы стать Портным? Ответ Геннадича был прост, как всегда, – путь лежит через страх. Больше они к этому разговору не возвращались.

Дашка вжала голову в плечи, спрятавшись за высоким воротом свитера. По стальному боку вагона скребла когтями стужа. Крохотные искорки снега собирались в снежный круговорот и преследовали поезд стайей голодных псов, вновь и вновь прыгая в окна.

Дашка встряхнулась. Нужно думать о деле. Она не боялась зимнего леса. Найти проводника в отдаленном селе было сложно, но вполне выполнимо. Одно плохо – она не знала, с чем именно столкнется в лесу. Распуская нити, связывающие души, она повидала многое, и тот, запертый в покинутом селе дух мог обернуться хоть разъярённым зверем, хоть снежной бурей. Только бы проводник попался толковый, не пьющий. Дашка вздохнула. Она давно уже не верила в сказки.

На станции «Сорок пятый километр» Дашка спустила на перрон лыжи, рюкзак, затем аккуратно прыгнула сама. Снега было почти по колено. Остановилась, надевая варежки поверх перчаток. Двери захлопнулись, отрезая от неё голос диспетчера. Поезд качнулся и неохотно двинулся вперёд. Стук колёс теперь казался совсем другим – сменились и темп, и тон. Обдав Дашку облаком колючих снежинок, стальной змей исчез в снежном лесу. Она смотрела ему вслед с тоской. Так бы и ехать на нём, часами глядя в окно.

Над селом, будто прижавшимся к земле в надежде, что его не заметят, качался тонкий дымок, солнце поднималось из-за сопки медленно, лениво. Тени, густые, синие, казались низкорослыми человечками, притаившимися под деревьями. Все казалось театральными декорациями, постановкой, в которой Дашке предстояло сыграть. Вот только она не знала своей роли и от того раздражалась.

На веранде сельского магазина расслабленно курила дородная женщина в сером ватнике. Дым выходил сизым, резким, пахучим. Дашка невольно залобовалась ею. Женщина была статной, грубо скроенной, уверенной в себе. По переднику с засаленным карманом было ясно – продавщица. Стратегически важный человек в селе.

– Турист что ль? – женщина не переменяла позу и выражение лица осталось прежним, но Дашка видела, как напрягся вокруг неё, невозмутимой, воздух.

– Фотограф-натуралист!

– Плохое время ты выбрала, – причмокнула продавщица. – Снег мягкий, лыжни ещё нет.

– Как нет? – проговорил тихий голос с едва заметным акцентом. – Есть лыжня!

Они обернулись. К дому подходил невысокий молодой человек. Легко скинув короткие лыжи, будто это были домашние тапки, он улыбнулся.

– Олежек, дорогой! – всплеснула руками продавщица. – Как же ты по такому снегу-то...?

– А чего такого, Люсь? – Он пожал плечами. – Снег как снег.

Дашка прислонила лыжные палки к перилам, идущим вдоль крыльца, исподтишка наблюдая за мужчиной.

– Так сегодня воскресенье, – прикинула продавщица. – Ты ж по вторникам обычно приходишь, – она кокетливо моргнула. – Уж не завелась ли у тебя в деревне зазноба?

– Работаю сегодня, – он посмотрел на Дашку.

– Ааа, – протянула Люся, – Это, значит, городская к тебе приехала, – она ощупала Дашку цепким взглядом. – Натуралистка...

За спиной продавщицы мелькнула лёгкая тень. Вот почему дым казался таким сказочным! На плечах женщины сидел дух, совсем небольшой. Дашка опустила глаза. Все трое замолчали. В сарае неподалеку замычала корова.

– Брать-то чиво будете? – спросила Люся, в голосе её звучала обида.

– Конечно, – подала голос Дашка, хотя у неё всё необходимое было с собой.

– Как обычно, – подтвердил проводник.

– Как обычно, – проворчала женщина, передразнивая, и, склонив голову, отворила дверь в магазин.

Оставшись вдвоем на морозном солнце, Дашка и мужчина переглянулись.

– Чихеза Агзу? – уточнила Дашка.

– Что? – лицо его, будто бы слепленное вокруг внимательных глаз, вытянулось, – Ааа...

Кха. – Он усмехнулся и лицо его преобразилось, – Да, я – Агзу. А Чихеза – это место вообще-то, – говорил он забавно, в голосе слышалась хитреца, хотя выглядел он простаком. – Озеро.

Он задумчиво подвигал челюстями, глядя на неё. Дашка прикинула, о чём именно думает в данный момент этот деревенский простачок, с интересом рассматривающий её причёску. Взгляд его и в самом деле надолго задержался на дредах, затем мельком скользнул по многочисленным серёжкам и остановился на её глазах. Смотрел он странно, будто они были когда-то знакомы, но с тех пор она сильно изменилась. Не дождавшись привычных вопросов про свою внешность, Дашка смутилась и тряхнула головой, сбрасывая с себя его взгляд.

– Меня зовут Дарья, – намеренно строго представилась она.

– Стало быть, Даринга, – задумчиво проговорил проводник, – красивое имя.

– На карте не было никакой Чихезы, – нахмурилась Дашка. Что за привычка давать людям свои имена?

– Так то карта, – пожал плечами мужчина. – Побольше продуктов надо бы купить.

– Продавщица, – Дашка кивнула в сторону двери, – вас Олегом назвала...

Дашка замолчала, давая ему возможность объясниться. Первая заповедь Часового: никогда никому не верь. Тем более – тому, кого не знаешь. Новый знакомый был не похож на проводника, да и вообще...

– Люся всем даёт новые имена, – пожал плечами мужчина. – Меня звать Агзу.

Имя его звучало смешно, будто звонкий чих. Скрывая улыбку, Дашка хмуро кивнула и принялась разглядывать носки своих ботинок. На плечах у женщины сидел дух ребёнка, истончившийся, измученный, не названный. Все имена для продавщицы были одинаковыми, она не видела между ними различия, как некоторые люди не видят разницы между цветами.

– А ребёнок? – спросила Дашка.

Агзу пожал плечами и качнулся с носка на пятку.

– Дак он ведь никому не мешает...

Смотрел он с интересом и, как показалось Дашке, с вызовом.

– А ты правда... кхм, этот, Часовой? – он усмехнулся.

Дашка нахмурилась. Неужто этот дремучий деревенщина её испытывает? Она коротко кивнула.

– Это хорошо, – задумчиво протянул он, оглядываясь по сторонам, – в эти места Часовые редко навещаются.

– Значит, плохо зовёте.

– А мы вообще не зовём, – отозвался Агзу и в голосе его прозвучало раздражение, – Справляемся своими силами.

– Оно и видно, – хмыкнула Дашка.

– Может и видно, коли знаешь, куда смотреть. – Он дружелюбно улыбнулся, будто извиняясь, и поднялся по ступеням магазина.

Пока Агзу деловито следил за тем, как Люся одну за одной выкладывает на прилавок подмороженные буханки хлеба, Дашка попросилась в подсобку, переодеться. Едва зайдя за широкую спину продавщицы, она ловко потянула на себя серебряную нить. Обычным взглядом нить была не видна, но иногда люди могли чувствовать, как разрывались эти незримые связи. Сдержанно и мелодично звякнули ножницы. Продавщица охнула, схватилась за грудь и осела на прилавок. Дашка скрылась в подсобке, выходящей на задний двор, а когда вернулась, Люся уже невозмутимо курила на крыльце, а Агзу укладывал продукты на дно выцветшего рюкзака.

– Всё хорошо? Вы будто побледнели, – спросила Дашка, выйдя на крыльцо. Агзу смотрел на неё хмуро, должно быть, не понравилось ему, что городская девчонка его уела.

– Спину что-то прихватило, – ответила Люся, рассеяно оглядываясь на девушку. – Наверное закрою магазин, да пойду домой. По вторникам всё равно кроме Агзу никто не заходит.

– Сегодня воскресенье, – смутилась Дашка.

– А? – продавщица пожала плечами.

Едва они встали на лыжи, из ближайшего подворья выкатилась низенькая и абсолютно круглая старушка. Подозрительно оглядев девушку, она рявкнула:

– Ребёнка вы отпустили?

– Она, – мотнул головой Агзу.

– Хоть бы спросила сперва, – гаркнула бабка, – работы мне теперь!..

– Извините, – растерялась Дашка и оглянулась на проводника, ища поддержки. Агзу спрятал губы за высоким воротом тулупа, видны были только его смеющиеся глаза.

– Извиняется она... Вечно с вашим братом Часовым проблемы. Вас что там в вашем городе, правилам не учат? Лезете, куда не просят, а потом... – буркнула бабка. – Душа-то потерянная, её нельзя вот так просто отпустить. Её нужно проводить!

– Так часто бывает. Я не понимаю, в чём проблема, – Дашка начинала терять терпение. От старухи веяло стужей, дорогами и силой. Если она учуяла освободившуюся душу, она должна быть или Проводником, или, как Дашка – Часовым, или...

– Портниха я, – пояснила бабка. – Померших души на тот свет у нас провожал Паук, только он у нас по ту сторону ходил, да мог дитёнка проводить. Но помер он, девять дней не минуло ещё, – она бросила взгляд на Агзу, – и доводить души до границы некому. Заблудится бедной. Лучше б оставила, как есть, – бабка плюнула в снег. – А ты куда смотрел? Знаешь же, как у нас тут!

Агзу покачал головой, отказываясь брать ответственность на себя.

– Забирайте его, – бабка кивнула на тень, прибившуюся к её ногам тёмным призрачным псом.

– Куда? – Дашка разное видела, но чтобы забирать себе потерявшийся дух!

– Ты, девочка, и близко не знаешь, как у нас тут. Этот дух станет на тёмную сторону, как только солнце зайдет, а тут итак... – Бабка бросила взгляд на Агзу и прикусила язык. Почавкав беззубым ртом, она вновь заговорила, тщательно подбирая слова, – Он будет скот пугать, изучает всю деревню. Да и грех это – то он был при мамке, а теперь неприкаянный. Забирай!

Агзу пожал плечами.

– Придётся забрать.

– Куда? – запаниковала Дашка.

– Так вы же на Чихезу? – бабка прищурилась, в каждом её движении чувствовался расчёт.

Дашка с осуждением посмотрела на Агзу. Деревенский балаган! Похоже, всем известно, ради чего она приехала. Всем, кроме неё самой.

– Ну вот! – закивала бабка, будто они ответили согласием. – Дитёнок с вами-то и будет в безопасности. А как дело сделаете, так и отпустите. Чистым уйдет. – Бабка повернулась к Агзу, – да и вам дитё оберегом будет, сам знаешь...

Дашка хотела было воспротивиться, возмутиться, послать старуху к лешему, но Агзу ответил за двоих.

– Доставай платок!

Казалось, подобное было ему не в новинку.

Старуха бросила на снег платок, туда же – крошки хлеба из кармана, пошептала, плюнула. Тень отлепилась от её ног и серым комком уселась посреди платка. Ловко повязав узлы, бабка сделала шаг назад.

– Взять должен тот, кто принимает его на себя, – смотрела она на Дашку.

– Я возьму, – влез Агзу, – нам нужно поспешать.

Он поднял со снега платок, ловко сунул его в карман и, поправив шапку, развернул короткие лыжи в сторону леса, куда уходила единственная деревенская улица.

– Спасибо, – промямлила Дашка, едва они оставили позади последний покосившийся домик.

– Не за что, – ответил охотник. – Это скорее он мне защита, а не я ему. Такие места, что... – Он свистнул залиvisto и громко, закончив несколькими хлесткими, звонкими посвистами.

Из кустов на окраине села выскочили волки. Три серых, огромных зверя. Если б не лыжи, глубоко утопающие в снегу, Дашка наверняка свернула бы с дороги.

– Чего ты? – удивился Агзу, увидев, как она присела на месте, выставив лыжные палки вперед. – Это ж лайки! Без них охотнику в лес ходу нет.

– Поняла, – прошептала Дашка, часто покивав. – Собаки. Я думала... это... волки.

– Чиво? – Агзу рассмеялся, хитро сощутив глаза, лучики морщинок рассыпались по щекам. Дашка поняла, что он на самом деле старше, чем ей показалось. – Дык волки ж на свист не отзываются!

Лайки обежали их по кругу, обнюхали Дашку, а затем, словно забыв о ней, ринулись к хозяину. Самый крупный встал лапами на бедро проводника и замер, обнюхивая карман. Уши у него были острыми, глаза смотрели внимательно, настороженно.

– Поди, Буран, – Агзу потрепал зверя по холке и грубовато оттолкнул. Пес отходить не хотел. Агзу свистнул. Уже по-другому – коротко, властно, отдавая приказ. Псы помоложе сорвались с места, радостно вспарывая свежий снег сильными лапами. Буран было метнулся за ними, но потом снова обернулся к хозяину.

– Иди-иди, всё хорошо, – махнул он псу и обернулся к Дашке. – Ишь, всё чует. Что человек...

Дорога виляла между снежными сопками, места казались смутно знакомыми. Дашка пыталась вспомнить, где видела раньше эти раскидистые деревья, камни, которыми рассыпались скалистые склоны над замёрзшей рекой, ажурные ветви ольхи, шишки, падающие в снег, кусты вдоль дорог. Она старалась не отставать от проводника – тот шёл быстро, широким уверенным шагом. Казалось, лыжи сами несли его по колее, до того легко он двигался. Дашка же почти выдохлась, в глазах мелькали тёмные мушки, а рюкзак тяжелел с каждым пройденным шагом. Но она упрямо шла дальше. Тренировка в тренажёрном зале совсем не походила на то, с чем она столкнулась в реальности. Девушка плохо понимала, сколько они уже прошли, и сколько им осталось. Каждый раз, когда дорога огибала очередную сопку, Дашка надеялась, что за этим поворотом непременно покажется деревня. Но один белый склон сменялся другим, а проводник не сбавлял темпа.

– Хорошее место, чтобы устроить привал, – словно прочитав её мысли, вдруг сказал Агзу и, коротко свистнув, свернул с дороги.

Остановились они под скалами, на заледенелом русле небольшой речки. Сбросив рюкзак на лед, проводник потёр ладони друг о друга и, зажмурившись, подставил лицо под солнечные лучи, смягчённые кружевом голых веток. Со скал спускались белые потоки застывшей воды, снег искрился и пенился. Агзу достал термос и наполнил чаем помятую алюминиевую кружку. В воздухе разлился запах крепкого чая.

– Плохое место, – он покачал головой.

– Ты же только что сказал, что хорошее, – не поняла Дашка.

– Тебе – плохое. – Он с серьёзным видом заткнул термос пробкой. Набрал горсть свежего снега и положил в чай, прежде чем передать кружку девушке.

– Да нет, мне хорошо, – возразила Дашка. – Кажется даже, я бывала здесь. Может, и не раз. Эта дорога мне знакома. Знаешь, как песня, которую вот в детстве слышал когда-то, но давно уже забыл.

– Это не хорошо, – снова покачал головой Агзу и огляделся, будто прислушиваясь. – Не твоё это место.

– Значит, давай пойдём быстрее, чтобы поскорее закончить с делом. – рассердилась она. Вот бы знать ещё, что там за дело такое.

Проводник глянул на неё странно, будто слова её были совершенно не к месту. Будто она ответила невпопад. Дашка, обжигаясь, в несколько глотков допила терпкий, почти горький чай и вернула проводнику кружку. По телу прокатилась горячая волна, на лбу выступил пот. Едва она успела надеть варежки, Агзу встал на лыжи. Они продолжили путь в полном молчании. Последние несколько километров, что осталось пройти до заброшенной деревни, Дашка гадала о том, что она сказала не так.

– Спишь что ли? – она увидела над собой смеющиеся глаза Агзу и выпрямилась.

– Задремала, да. – Дашка оглянулась на окно, в комнате было темно. Значит, она проспала закат.

– Поедим и лягешь. Собаки просились в дом, видать, ночь будет вьюжная.

– Дорогу заметёт? – встревожившись, спросила она.

– Да что дорога, – Агзу сел рядом с ней на низкую скамейку напротив печной дверцы. – Следы покроет – вот это плохо.

Он снял рукавицы и протянул руки к печи. Ладони у проводника были изящные, как у женщины, с узкими пальцами и аккуратными круглыми ногтями.

– Почему ты живёшь тут один?

– А чего я один? Я – вон, – он кивнул в другой угол избы, откуда на них смотрели три пары внимательных блестящих глаз. Одна из собак зевнула. – С волками. – он усмехнулся.

Дашка поёжилась. Жилище Агзу, сложенное из огромных, промазанных смолой брёвен, было единственным жилым во всей деревне, да и оно скорее походило на баню, чем на дом. Так оно в общем-то и было, кухня и спальня занимали обширный предбанник, а за стеной, к которой примостилась печь, находилась парная. Банный дом проводника стоял на огромном подворье, сбоку от большого, хозяйского дома, у которого в сохранности были и окна, и крыша, и нарядное крыльцо с резными наличниками. Остальные дома в деревне казались избами-призраками, больше похожими на остовы севших на мель кораблей, чем на человеческие жилища. Будто переселенцы доплыли сюда по снегу на огромных ладьях, и бросили их под утёсом, похожим на коврижку.

– А почему ты... живёшь здесь?

– А где ж ещё? – он рассмеялся, показав ряд белых, но неровных зубов. Разговор был окончен.

Пока хозяин готовил простой ужин, Дашка притянула к себе рюкзак и, уложив на бок, открыла молнию. Агзу не обращал на неё никакого внимания. Он деловито мыл в тазу картошку, пока она раскладывала перед собой ножницы разной формы и размера. Потом, насвистывая, резал серые картофелины, разбрызгивая сок. Ножницы блестели в свете огня, красные блики делали их похожими на раскаленный в топке металл. Дашка покосилась на Проводника. Её инструменты были по-своему уникальны, каждый Часовой находил свой, особенный способ, чтобы отпускать духов. Кто-то развязывал нити руками, кто-то использовал ножи. Она слышала, бывали даже случаи, когда Часовой работал с огнём. Её ножницы были красивыми, остро наточенными и до блеска натёртыми. Хотя бы это могло пробудить интерес. Но Агзу не удостоил их и взглядом. Он плеснул воду из таза в помойное ведро и, насвистывая, склонился над корзиной с луком. Дашка закрыла глаза. Тело было ватным, непослушным. В углу напротив чесались и клацали зубами собаки.

Эти места влияли на неё странно. От железнодорожной станции до заброшенной деревни по прямой было чуть больше десяти километров. Дашка знала это наверняка, она заранее всё просчитала, готовясь к поездке. Тем не менее за два неполных часа пути она устала так, словно весь день моталась по лесу по колено в снегу. Сердце выскакивало у неё из груди, ноги налились свинцом, одежда промокла от пота. Едва переодевшись и выпив вяжущего язык чая, она уснула, сгорбившись, на скамье возле печки.

– Ужинать! – позвал Агзу, вытащив её из дремы, вновь подкрадываясь незаметно.

Мерно постукивая ложкой по эмалированной тарелке, Агзу посматривал на неё с любопытством. Дашка сидела напротив, сгорбившись. Подперев щеку ладонью, она глядела перед собой.

– Не нравится? – спросил он, продолжая жевать.

– А? Нет! То есть да. Очень вкусно. Ничего вкуснее в жизни не ела, – она преувеличенно энергично набрала ложку тушёной картошки и отправила её в рот.

Вся эта вечерняя трапеза напоминала ей вечера у бабушки в деревне, когда они вот так же собирались за столом. От печи шёл жар, а из-под пола тянуло холодом. Ветер стучался в закрытые ставни и выл в трубе, отчаявшись пробраться внутрь. За домом прерывисто жужжал генератор, казалось, он прыгает с кочки на кочку и от того запыхался.

– Скажешь тоже, – усмехнулся Агзу, поглядывая на её тарелку. – Ничего вкуснее...

– Я просто устала. Совсем нет сил, – она ковырнула ложкой, – но очень голодная.

– Кхм... – он потёр руки над тарелкой, стряхивая с них хлебные крошки. – Духи тебя путают, – со знанием дела произнёс он.

– Это место похоже на то, где я росла.

– Ну да, ну да, – он отодвинул в сторону свою тарелку и, сложив руки поверх столешницы, посмотрел на неё.

– Расскажи мне про эту деревню, – попросила она, смутившись под его взглядом.

– Давай так: я говорю – ты ешь?

– Хорошо, – она стукнула ложкой о тарелку и бросила на него быстрый, по-детски недоверчивый взгляд.

– Это место – он развел ладони в стороны, – эту деревню... Заложили финские переселенцы.

Она жевала тихо, стараясь не пропустить ни слова.

– Я рос при советской власти, но мы... – он сделал паузу, подбирая слова, – здесь... как бы это... имели о ней самое общее представление. В Обу жизнь шла по-своему, по-старинке.

– Обу? Я думала... Або?

Он кивнул.

– Старожилы называли это место Обу, именно так. – Он постучал пальцами по столу. – На карте Обу – маленькая точка внутри большой страны. Но это как думали те, кто эти карты

рисовал. На деле – ещё когда было заложено бревно первого дома, это место существовало отдельно от всех! Люди жили лесом. Рыбу ловили, охотились.

– А дети?

– Дети? Что дети? А, ну да... Старшие ходили в школу в Занадворовку, малышей учили дома. По-настоящему остаться в этом месте хотели единицы, поэтому все мои друзья подросли и сбежали. Сначала – оставались на зиму в Занадворовке, дорога туда – сама видела. Жили у родни, или помощниками в чужих домах.

– А ты?

– А я остался.

– Но здесь больше никого нет, деревню ещё в 60-х с карты стёрли.

– Да её никогда на карте и не было. Сама ж сказала, по карте деревня зовется Або – это совсем другое место, – усмехнулся Агзу и заглянул в Дашкину тарелку.

– Почему ты остался? – не отставала Дашка.

– Хорошо здесь, красиво.

Она кивнула. Красиво – не то слово. Дома, оставшиеся от небольшого поселения, прижимались к подножию холма, похожего на краюшку хлеба. Белое покрывало укутывало сопки, остовы брошенных домов и лес, который издали казался игрушечным. Когда Дашка увидела деревню в первый раз, поняла, почему переселенцы выбрали именно это место. Здесь было спокойно. Только спокойствие это не имело ничего общего с комфортом. Оно скорее было похоже на утоление жажды. Увидев впервые сопку, будто расправившую крылья, чтобы закрыть деревню от ветров, она сняла шапку и прислушалась. Собаки бегали вокруг них, освоившись с гостьей, бросались ей под ноги, трепали друг другу загривки. Ветер стыл на ветвях деревьев и доносил острые крики воробьёв, затеявших свару. В морозном воздухе плыла сладость, смешанная с запахом мокрой коры и еловых. Дашке подумалось, что она впервые слышит этот мир так отчётливо, всеми своими пятью чувствами, которые обычно бывали приглушены, словно на них было наброшено пыльное одеяло. Дело было в шестом чувстве, которое в этих местах, казалось, дремало, хотя обычно вело её, как нюх ведёт собаку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.